

А. И. НЕУСЫХИН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М. В. ЗЕМЛЯКОВ

Данная статья посвящена осмыслению важной для отечественной медиевистики концепции «дофеодального» (переходного) периода, представленной в трудах Александра Иосифовича Неусыхина. Наряду с анализом предпосылок возникновения и содержания этой концепции автор обращается к проблеме восприятия и рецепции научных идей А. И. Неусыхина в творчестве его учеников, окружавших его ученых и наших современников как в России, так и за рубежом.

В этой статье показывается то, что концепция переходного периода не была идеей, которую Неусыхин выдвинул бы впервые. Ряд ученых в 30–50-х гг. прошлого века также обращались к этой социальной модели при разработке сюжетов истории восточных славян (например, Б. Д. Греков). Сам А. И. Неусыхин шел к созданию своей концепции на протяжении очень долгого времени; фактически первый обзор перехода от Античности к Средним векам был представлен в его статье 1922 г., посвященной идеям Альфонса Допша.

В нашей работе мы не только раскрываем сущность концепции Неусыхина, но и уделяем особое внимание тем ученым, которые развивали идею переходности по отношению к рубежу Античности и Средневековья (А. Я. Гуревич, М. Я. Сюзюмов, П. Андерсон). При том, что в их идеях обнаруживается много общего с концепцией А. И. Неусыхина, мы уделяем особое внимание различиям в их построениях.

Также в публикации впервые представлен значительный пласт источников из личного архива Неусыхина.

В отечественной и зарубежной исторической науке, изобилующей гипотезами, теориями, построениями относительно переходности, «инаковости» отдельных исторических периодов продолжительностью от нескольких лет до нескольких столетий, их непохожести на развивавшиеся до и после них культуры, их уникальности на фоне параллельно существовавших общественных организмов¹,

---

¹ Из новейших работ упомянем следующие: *Классен Х. Дж. М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации.* М., 1999. С. 6–23 (особ. с. 8, 12–14); *Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лыниша В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Там же. С. 24–83 (особ. с. 36–39, 50, 60); *Карнейро Р.* Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Там же. С. 84–94; *Горский А. А.* О «феодализме»: «русском» и не только // СВ. 2008. Вып. 69 (4). С. 9–26; *Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V.* Alternatives of Social Evolution // *The Early State, Its Alternatives and Analogues.* Volgograd, 2004. P. 3–28 (esp. pp. 5, 9, 12–14); *Claessen H. J. M.* Was the State Inevitable? // *Ibid.* P. 72–87 (esp. pp. 72–75); *Grinin L. E.* The Early State and Its Analogues. A Comparative Analysis // *Ibid.* P. 88–139 (esp. pp. 89–90, 109–115, 119–120).

особое место традиционно занимает тема перехода от Римского государства (включая его варварскую периферию) к раннесредневековой Европе. Огромное внимание уделяется как проблемам так называемого романо-германского синтеза², так и изучению социального феномена «варварского общества» последних веков Империи³. Особое внимание приковывает к себе дискуссия, развернувшаяся вокруг доклада А. И. Неусыхина, который он прочитал на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» в 1966 г.⁴ С момента его прошло достаточно много времени, однако концептуальные построения ученого продолжают будить исследовательский интерес. При этом особое внимание продолжает уделяться преимущественно трудам самого Неусыхина и лишь в небольшой степени — интерпретациям его концептуальных построений в отечественной и зарубежной исследовательской среде⁵. В данной

²Традиция, восходящая еще к Павлу Гавриловичу Виноградову и Дмитрию Моисеевичу Петрушевскому (разделение «готского», «франкского» и «англосаксонского» путей развития феодализма, например: *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907) и развитая позднее в статьях А. Д. Люблинской (Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // СВ. 1968. № 31. С. 9–17, особ. 9–12), монографии Б. Ф. Поршнева (Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 507–518), докладах и статьях З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой (К вопросу о типологии развития феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 107–123; Генезис феодализма в странах Европы // XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. [Отдельный оттиск] М., 1970; Генезис феодализма в Европе // История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 6.; см. также статью З. В. Удальцовой «Генезис и типология феодализма» в сборнике: СВ. 1971. Вып. 34. С. 13–14), А. Я. Шевеленко (К типологии генезиса феодализма // ВИ. 1971. № 1. С. 97–107).

³И здесь в числе первопроходцев следует назвать Д. М. Петрушевского и его ученика, А. И. Неусыхина, которые в 20-х гг. XX в. подробно разработали многие проблемы социально-политической, экономической и отчасти культурной истории германской общины на базе строго научных подходов к проблеме.

⁴*Неусыхин А. И.* Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному (на материале истории Западной Европы раннего Средневековья) // ВИ. 1967. № 1. С. 75–88; тезисы выступления и дискуссия: СВ. 1968. Вып. 31. С. 45–63; расширенный вариант статьи: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 596–616. Кроме того, этой проблематике посвящены отдельный раздел в монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодалного общества в Западной Европе VI–VIII вв.» (М., 1956. С. 3–43, немецкое издание: *Njeussychin A. I.* Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jh. / Bernhard Töfler, hrsg. Akad. Verlag. Berlin, 1961), а также некоторые методические пояснения в последней крупной работе ученого — «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв.» (М., 1964. С. 9, 20, 24–25).

⁵Например: *Сергеева Т. Д.* Концепция «дофеодалного периода» в творчестве А. И. Неусыхина // История и историки. Историографический ежегодник. 1982–1983. М., 1987. С. 225–244; *Стам С. М.* О научном методе А. И. Неусыхина // История и историки: Сб. статей. М., 1990. С. 311–318; *Мильская Л. Т.* А. И. Неусыхин — ученый, педагог, человек // Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 7–19; *Мильская Л. Т.* Александр Иосифович Неусыхин. Тернистый путь ученого // НиНИ. 1992. № 3. С. 147–174; *Она же.* А. И. Неусыхин — выдающийся ученый и педагог // ВИ. 1991. № 2/3. С. 231–238; *Она же.* Понятие переходного периода в исторической науке. Концепция А. И. Неусыхина // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М., 2002. С. 69–78.

статье наряду с анализом концепции «дофеодального» периода рассматривается влияние идеи переходности, представленной в творчестве Неусыхина, на последующее развитие науки в России и за рубежом.

Александр Иосифович Неусыхин родился 19 января 1898 г. по новому стилю в Москве, в семье врачей, однако раннее детство его прошло на Смоленщине, в селе Борисовщина. Его семья была достаточно образованной: родители нередко выезжали в Москву, следили за театром и музыкальными постановками, новыми художественными произведениями и литературной критикой. Поначалу ученый обучался в реальном училище г. Риги, затем переехал вместе с матерью в Ярославскую губернию и перешел в Ростовскую гимназию. В то время ее директором был талантливый историк, ученик профессора П. Г. Виноградова Сергей Павлович Моравский (1866—1942). Очень важно было то, что педагогический совет пользовался относительной свободой при подборе преподавателей гимназии. Именно поэтому в гимназии историю вел Евгений Андреевич Мороховец (1880—1942), симпатизировавший меньшевикам и участвовавший в органах губернского управления, настаивавший на материалистическом понимании исторического процесса. Именно они в наибольшей степени повлияли на выбор А. И. Неусыхиним дела всей его жизни.

Окончив школу с золотой медалью, он по настоянию отца недолгое время проучился на медицинском факультете Московского университета, а в 1918 г. перешел на историко-филологический факультет того же университета. Научным руководителем Неусыхина был выдающийся историк Средних веков, профессор Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1943).

В 1922 г. Александр Иосифович с блеском защищает дипломную работу по теме «Экономическая организация королевского поместья эпохи Каролингов по *Capitulare de villis*»⁶, а в феврале 1929 г. оканчивает аспирантуру Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (далее — РАНИОН) с защитой диссертации по теме «Общественный строй древних германцев» (в том же году издана в виде монографии). Его научные изыскания сопровождаются выходом значимых для отечественной науки публикаций. В 1920—1924 гг. А. И. Неусыхин в качестве сотрудника Института Маркса и Энгельса расшифровывал некоторые статьи Ф. Энгельса; с начала 1920-х гг. вплоть до 1929 г. из-под его пера появляется множество рецензий, статей, критических обзоров. Неусыхин активно публикует статьи в Большой Советской энциклопедии (некоторое время был помощником редактора отдела западной истории). Кроме того, его можно признать первопроходцем в деле написания и публикации критических обзоров трудов Макса Вебера. Его статьи — «Социологическое исследование Макса Вебера о городе» (1923), «"Эмпирическая социология" Макса Вебера и логика исторической науки» (1927)⁷ — являются первым опытом обращения к трудам немецкого историка и социолога.

⁶ Данная работа хранится в двух общих тетрадях среди прочих архивных документов ученого: АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 2. 145 л.

⁷ Статьи были перепечатаны посмертно в сборнике трудов: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 413—500.

На тот же период, явившийся самым ранним в творчестве Неусыхина, пришелся и самый первый удар по его «вольномыслию». Слияние Института истории РАНИОН и Института красной профессуры (ИКП) в единую организацию при Коммунистической академии и ликвидация античной и средневековой секций (в последней Александр Иосифович был ученым секретарем) в ее структуре породило целую волну борьбы с «политической бесцветностью историков» и «непонятным языком ученых специалистов», причем основные споры развернулись вокруг монографии Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (1907), а точнее, ее «неленинской» методологической составляющей⁸. Выступив в поддержку своего Учителя, Неусыхин привел собственные контраргументы против существования «первобытного коммунизма». Более того, он предположил наличие у германцев «дружинного строя и предпосылок феодализма»⁹. Данные выводы опирались на исследования, выполненные ученым в первой половине 20-х гг.¹⁰ Между тем, здесь еще рано видеть первый этап зарождения концепции переходного периода, поскольку оба ученых находились скорее под влиянием идеи Kulturkontinuität А. Допша, которая предполагала развитие экономических и политических элементов феодализма в недрах позднеантичного общества¹¹. Идея частной собственности у германцев тогда была встречена в штыки не только «социологической» секцией Комакадемии¹², но и некоторыми представителями «русской аграрной школы»¹³, поэтому в последующем своем творчестве Неусыхин ее не развивал.

Период с 1930 по 1934 г. для Александра Иосифовича был очень сложным: отношение к нему в кругах историков, близких к «официальной», «партийной» науке, становится очень прохладным. Особенно сложные отношения складываются между Неусыхиным, с одной стороны, и заведующим сектором истории Средних веков Института истории АН СССР А. Д. Удальцовым — с другой¹⁴. Местом работы Неусыхина в эти годы была Всесоюзная ассоциация библиографии

⁸ Фридлянд Ц. Два шага назад (о книге проф. Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы») // Под знаменем марксизма. 1928. № 2. С. 147–161. Новейшее издание этой монографии: *Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства*. 6-е изд. М., 2003.

⁹ Диспут о книге Д. М. Петрушевского (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 101–102, 108–110, 123.

¹⁰ *Неусыхин А. И. Культурная катастрофа античного мира или столкновения двух культур?* // Печать и революция. 1922. № 8. С. 12–16; *Он же. Общественный строй древних германцев*. М., 1929.

¹¹ *Неусыхин. Культурная катастрофа...* С. 11–12, 15–16; *Он же. Общественный строй древних германцев...* С. 150 (примеч. 24), 151–153 (о частной собственности), 165, 175 (о «классовом характере» знатной прослойки).

¹² См. интересную историографическую работу об этом периоде развития исторической науки: *Шарова А. В. Кривые зеркала, или Как предвидеть прорицание* // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 84–106 [ссылка для доступа в Интернет: http://www.nivestnik.ru/2001_2/6.shtml, дата обращения: 09.03.2012]. Рассуждения о «необходимости преодоления неокантианства в исторической науке» и «дурного академизма» см.: Диспут о книге Д. М. Петрушевского... С. 96–99, 128–129.

¹³ Переписка Н. И. Кареева и А. И. Неусыхина // СВ. 1978. Вып. 42. С. 282–291.

¹⁴ *Мильская А. И. Неусыхин — выдающийся ученый и педагог*. С. 232.

при ГБЛ (Государственная библиотека им. В. И. Ленина), где он состоял референтом.

В 1934 г. в БСЭ появляются первые после перерыва статьи ученого, а его более крупные научные труды и публикации исторических источников вновь выходят только в 1937–1942 гг. В 1936 г. Неусыхин становится старшим научным сотрудником Института истории АН СССР (в 1934–1936 гг. он работал в качестве старшего научного сотрудника в Госакадемии материальной культуры им. Н. Я. Марра), в Академии наук он будет трудиться до самой кончины.

После возобновления активной публикаторской деятельности Александр Иосифович продолжает разрабатывать социально-экономическую тематику западноевропейского раннего Средневековья, особое внимание уделяя «варварским правдам». Ряд статей по этой тематике опубликован ученым в 1940-х гг. и обобщен в докторской диссертации «Собственность и свобода в варварских правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V–VIII вв.)»¹⁵, капитальных монографиях «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.» (1956) и «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв.» (1964). Именно в первых двух работах начинает складываться концепция «дофеодального» (переходного) периода Неусыхина как общеметодологическая установка и модель описания «варварского общества». При этом в 1930–1940-х гг. происходит зарождение самой дискуссии о «дофеодальной эпохе», по данной проблеме издается несколько важных статей и монографий И. И. Смирновым, Б. Д. Грековым, Л. В. Черепниным и С. В. Юшковым¹⁶.

Тем не менее даже всеобщее признание и уважение не могло предохранить ученого от кампании по борьбе с «безродными космополитами» в 1948–1949 гг. Он вновь подвергся нападкам за «несоответствие взглядов ленинской схеме», «преклонение перед буржуазными учеными». Наиболее показательное организованный ИИ АН СССР и МГУ совместное заседание медиевистов, на котором в присутствии сторонников Неусыхина из числа студентов, аспирантов, преподавателей и профессоров он был подвергнут критике с «истинно марксистских позиций». Большое число критических откликов собрали и последующие работы ученого: в частности, глава по истории Германии IX–XII вв. в третьем томе «Всемирной истории» (1957) и монография 1956 г. были жестко раскритикованы Н. А. Сидоровой и В. А. Немировским за «недостаточное изображение классово-вой борьбы и классового расслоения в дофеодальный период»¹⁷.

Однако среди рецензентов в то же время присутствовали и горячие сторонники Неусыхина, в частности С. Д. Сказкин¹⁸, Е. А. Косминский¹⁹, чуть позже —

¹⁵ Защита диссертации состоялась в 1946 г., ее текст опубликован в сборнике: *Неусыхин. Проблемы европейского феодализма*. С. 35–210.

¹⁶ *Сергеева*. Цит. соч. С. 225–226. Наиболее важные из них: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 2004. С. 28, 60–61, 65 (воспроизведение издания 1953 г. с некоторыми дополнениями); *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // *Вопросы истории*. 1946. № 7.

¹⁷ АРАН. Там же. Д. 146. Л. 25–26, 37–38 об., 67–69, 74–76 (Сидорова); Л. 67–73, 74–86 (Немировский).

¹⁸ Там же. Д. 146. Л. 3–4 об., 7–8.

¹⁹ Там же. Л. 1–2, 5–5 об.

А. И. Данилов²⁰. Кроме того, некоторые его коллеги и ученики (С. М. Стам, А. Я. Гуревич, Л. Т. Мильская и др.) уже после смерти Александра Иосифовича убедительно доказывали, что категориальный аппарат и цитаты из произведений Маркса, Энгельса и Ленина в его работах вполне укладываются в традиции современной для него марксистской историографии. Однако, стремясь к их творческой переработке и осмыслению в рамках исторических реалий Средних веков, Неусыхин невольно опередил свое время на десятилетие и тем самым подготовил почву для серьезного удара по вульгарно-материалистическому пониманию исторического процесса, которое после выхода в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» было тесно связано с так называемой «ленинской пятичленной» (т. е. линейной и безальтернативной схемой перехода от одной формации к последующей).

Наряду с научной деятельностью Неусыхин прославился тем, что за свою жизнь успел прочитать общие курсы Средних веков и вел семинары и практикумы во многих московских вузах: Московском индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта (1927–1930), Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина, Московском городском педагогическом институте им. В. И. Ленина (1934–1940). Во время войны он выступал с лекциями в университетах Томска и Свердловска (1941–1943). 25 лет своего преподавательского труда Александр Иосифович посвятил двум университетам — Московскому институту истории, философии и литературы (МИФЛИ, 1934–1941) и Московскому государственному университету (1943–1959).

Во время кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом» 1948–1949 г. он был отстранен от чтения общего курса Средних веков, а число специализирующихся у него студентов было резко сокращено. Аспирантов же вовсе вынуждали переходить к другим научным руководителям, однако фактически они продолжали обращаться к нему за консультациями по самому широкому кругу вопросов. Впоследствии многие из них стали выдающимися медиевистами: достаточно назвать имена А. Р. Корсунского, Л. Т. Мильской, М. И. Левиной. Практически до самой смерти (22 октября 1969 г.) он продолжал вести переписку с множеством адресатов из числа своих учеников и коллег, хотя открывшееся заболевание руки не позволяло ему писать пространные тексты (все рукописи в последние десять лет жизни ученого были выполнены рукой его жены, Маргариты Николаевны).

Концепция «дофеодального» (или переходного) периода, безусловно, явилась своего рода откровением для советской исторической науки. Несмотря на то что традиционная схема линейного перехода от первобытности к рабовладению, от рабовладения — к феодальному строю, в отношении восточнославянского мира во многом благодаря Б. Д. Грекову была поставлена под серьезное сомнение уже в конце 1930-х гг.²¹, в области изучения Древнего мира и Средних

²⁰ Средние века. 1957. Вып. 10. С. 217–228 (рецензия на монографию А. И. Неусыхина 1956 г.).

²¹ Тем не менее Греков также поплатился за свою научную принципиальность увольнением с поста директора ИИ АН СССР в 1953 г. и преждевременным уходом из жизни (см.: Горская Н. А. Академик Борис Дмитриевич Греков // Греков Б. Д. Цит. соч. С. 17–18, 24).

веков абсолютное большинство ученых продолжали разделять точку зрения об отсутствии переходного периода между этими двумя эпохами вплоть до начала 1950-х гг. И только после смерти Сталина идеалистическое изображение исторического процесса стало все более уступать место пониманию вариативности перехода от одного общественного устройства к другому в разных исторических условиях.

Для реконструкции общественного строя в эпоху Великого переселения народов и образования германских королевств Неусыхин тщательно проанализировал множество правовых памятников, которые содержат в себе несколько хронологических слоев (*Lex Salica*, *Leges Alamannorum*, *Lex Frisionum*, *Lex Thuringorum*, *Leges Saxonum*, *Lex Baiuvariorum*, *Edictum Rothari*, англосаксонские законы VII–X вв.). Уже в диссертации 1946 г. он убедительно доказывает, что эта многослойность германского права отражает несколько последовательно сменявших друг друга этапов единого переходного периода от первобытности к феодализму. Тем самым он доказывал, что переход осуществлялся не одновременно, однако в результате «накопления изменений и противоречий старой формации», «перерождения и постепенного исчезновения многих ее существенных черт», которое вело «к зарождению элементов новой формации». При этом «первые еще достаточно живучи, а вторые еще не успели восторжествовать; поэтому основные тенденции развития противоречивы и не выражены с достаточной отчетливостью»²². Таким образом, согласно Неусыхину, «дофеодалный период» нельзя признать особой, самостоятельной общественно-экономической системой (формацией).

Социальное неравенство, присутствующее в начале этого перехода, возникает в результате распада кровнородственной общины и образования земледельческой, становления отдельных домохозяйств больших и малых семей. Эти отдельные ячейки «варварского общества» выполняли различные функции в жизни племени. Кроме того, выделение социальных категорий в рамках племенной организации происходит по признаку знатности, свободы и полусвободы, что нехарактерно для раннеклассовых обществ. При этом основой племенной общности с сер. I в. до н.э. вплоть до IV–V вв. н.э. (а часто и далее) оставался простой непривилегированный общинник, обладавший набором прав, одновременно являвшихся обязанностями по отношению к прочим членам общины (участие в сотенных и общинных собраниях, в судебных заседаниях и исполнении решений суда, использование оружия, обладание участком земли и правом пользования общинными землями). Дружинная и родовая знать выделяется в «правдах» на основе вергельда, который превышал плату за убийство простого общинника в несколько раз. Тем не менее они представляли собой только «надстройку над свободой», поскольку отсутствовали возможности для широкого накопления земли и зависимых труженников в руках привилегированного слоя.

На другом полюсе находились члены племени с неполной свободой — вольноотпущенники, литы, альдии (у лангобардов), и несвободные люди — рабы; как полагает Неусыхин, со времени Цезаря и Тацита последние присутствовали в домохозяйствах многих членов общины. Несмотря на то что знать обладала

²² Неусыхин. Дофеодалный период ... С. 75–76.

средствами производства и несвободными тружениками в большей степени, чем рядовые общинники, это ни в коем случае не могло привести к формированию рабовладельческого уклада в рамках «варварского общества». А наличие у некоторых племен (например, саксов) значительной прослойки литов, обладавших некоторыми правами в рамках общины (право участия в ополчении в рамках своего родового объединения; право быть свидетелем на судебном собрании; право обладания некоторым имуществом), еще больше усложняло картину общественного развития германских племен.

В политической сфере Неусыхин характеризовал начало переходного периода термином Ф. Энгельса «военная демократия»: от небольших племен, создававших временные военные союзы прежде всего для закрепления на захваченных территориях и противостояния натиску Римской империи (I в. до н.э. — II в. н.э.), происходил переход к созданию крупных и сложных в этническом отношении племенных структур (III — нач. IV в.), что создавало предпосылки к возникновению более прочных политических образований — «варварских» (германских) королевств (с нач. V в.)²³.

Переход к новому этапу «дофеодального периода» для исследователя был ознаменован прежде всего переходом от земледельческой общины к соседской и образованием «варварского государства» — формы организации германских племен и покоренного ими населения для контроля за возросшими территориальными и материальными ресурсами. Кроме того, некоторые германские племена создали собственные крупные устойчивые племенные объединения на территориях, не подвергавшихся значительной романизации (фризы, англосаксы, саксы, бавары, алеманны). Однако при этом главы этих этнополитических образований (герцоги и короли) прежде всего выражали интересы племени.

Последним обстоятельством объяснялись противоречия в развитии общественных и потестарных институтов германских племен. Хотя в большинстве памятников германского права четко прослеживается возникновение привилегированного дружинного землевладения и королевских земельных пожалований, а затем — начало процесса формирования церковного землевладения, только эти два условия, как считал Неусыхин, не могли привести к быстрому закреплению простых общинников и возникновению феодального общества и государства. Помимо привилегированных дружинных владений, необходим был переход вначале к «градуированной» свободе (т. е. такому состоянию, когда правовой статус индивида становился зависимым от ценности его жизни, закреплённой в праве)²⁴, а затем — к «негативной» (т. е. такой свободе, которая являлась прямым противопоставлением крепостной несвободе). Подобный переход

²³ Неусыхин. Дофеодальный период ... С. 79–81.

²⁴ Например, в англосаксонском обществе кон. VII — нач. VIII в. имело место разделение на статусы по «стоимости жизни» человека, т. е. его вире: *twyhynd*, *syxhund*, *twelfhynd* (200, 600 и 1200 шилл. — законы Инэ) (см.: Неусыхин А. И. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I: Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 153–154).

мог быть следствием разрушения системы прав-обязанностей общинника, и в первую очередь — размывания института общинной собственности на землю, сопровождавшегося переходом к свободно отчуждаемым (посредством дарения, завещания, купли-продажи, заклада и обмена) земельным владениям. Вслед за этим неизбежно возрастала скорость накопления крупных земельных массивов как у богатых общинников, так и у владельцев светских вотчин (дружинники короля, дворцовая и местная администрация) и Римской Церкви, что в конечном итоге вело к закреплению большинства рядовых общинников, исчезновению несвободных и полусвободных категорий или их вливанию в единый, зависимый, слой раннефеодального общества. Только тогда возникали классовая структура и государство в полном смысле слова.

Время окончания переходного периода и становления раннефеодального строя Неусыхин определял очень условно и для каждого германского племени в отдельности: скажем, для вестготов и бургундов он предлагал в качестве границы кон. V — нач. VI в., для саксов — кон. VIII — нач. IX в., для англосаксов Кента и Уэссекса — кон. VII — нач. VIII в., для Норвегии и Швеции — период с сер. X до нач. XIII в. На примере конкретно-исторических штудий он развивал собственное утверждение о том, что «дофеодальный период» является «стадиальным, а не хронологическим понятием» и в значительной мере — уступкой терминологии²⁵. Кроме того, он особо подчеркивал тот факт, что архаические черты социальной организации оставались даже после окончания этого периода, особенно у тех племен, которые не пережили глубокого синтеза германского родоплеменного строя с разлагавшимися рабовладельческими порядками (алеманны, англосаксы) или же развивались по бессинтезному пути (саксы, фризы, скандинавские племена)²⁶.

Необходимо отметить, что специалисты по истории Средних веков далеко не всегда учитывали то давление, ту степень предвзятости, которые испытывал на себе Неусыхин со стороны своих коллег по цеху. Оба периода «отлучения от печати» (после дискуссии 1928 г. и объединенного заседания 1949 г.) нанесли по нему очень серьезный удар. Периоды относительной «либерализации» интеллектуального климата в СССР сменялись годами репрессий против научного знания, неизбежно вступавшего в противоречие с директивным способом управления и универсальными критериями «подлинной научности». Возможно, именно поэтому Александр Иосифович также колебался в некоторых своих оценках: в частности, в 40-е гг. он говорил о возможности существования в период «варварского общества» государства как института подчинения и даже элементов эксплуатации массы населения²⁷.

²⁵ Неусыхин. Дофеодальный период ... С. 85.

²⁶ Там же.

²⁷ АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 45. Л. 1. Авторские ремарки о том, что в «дофеодальном» франкском обществе при Меровингах «образуются какие-то зародыши государства» и «идет процесс закрепощения крестьян» (Л. 3, 15), несколько расходятся с его позицией относительно «бесклассового характера дофеодального общества».

В последние годы жизни попытки Неусыхина закрепить в академической среде понятие «дофеодального периода» в качестве методологического конструкта для анализа социальной реальности прошлого раскололо ученых на два лагеря. Одни из них категорически отказывались признавать его идеи (и более позднюю концепцию «варварского до-/прафеодального общества» А. Я. Гуревича), обвиняя его то в «ломке ленинской схемы», то в «некорректном обозначении» упомянутого периода. Другие же отнеслись к концепции «переходного периода» с нескрываемым интересом. Резко против высказывались О. Л. Вайнштейн, Н. П. Соколов²⁸, М. Н. Соколова²⁹, Н. Ф. Колесницкий³⁰, Г. М. Данилова³¹. Однако на другом фланге оказались А. Я. Гуревич, Б. А. Рыбаков, А. Р. Корсунский³², С. М. Стам³³, Л. Т. Мильская, Ю. Л. Бессмертный³⁴ и некоторые дру-

²⁸ Кроме того, он раскритиковал А. Я. Гуревича за постановку проблемы «Индивид и общество в раннее Средневековье», которую тот решал также в рамках концепции «дофеодального общества» (СВ. 1968. Вып. 31. С. 70). Социальным отношениям германцев посвящена статья Н. П. Соколова «Рабовладение у германских племен и его роль в процессе становления феодализма», изданная в 1982 г. (Ученый. Эпоха. Память: Сб. статей и материалов к 120-летию со дня рождения проф. Н. П. Соколова. Н. Новгород, 2011. С. 71–98); в ней также имеет место полемика с А. И. Неусыхиным по вопросу недооценки роли рабовладения во времена Тацита и позднее (С. 85–88, 91). О переходности этой эпохи Соколов не говорит ни слова.

²⁹ См. письмо М. Н. Соколовой А. И. Неусыхину от 12.07.1966 г.: «Позволю себе изложить свои соображения относительно того периода, который мы называем “дофеодальным”, “раннефеодальным” или еще как-нибудь... <...> Именно здесь, в этом наиболее чистом варианте (подчеркнуто Неусыхиным, рядом надпись: «А Скандинавия?»). — М. З.), мне и представляется, что следует с самого начала, то есть с того момента, когда король пожаловал в бокленд дружине и церкви первые зем[ли, далее зачеркнуто], говорить о складывании феодальных отношений... Зачем нам особо выделять ранний этап этого движения («отделять его от феодальной формации» приписано Соколовой позднее. — М. З.) только потому, что первые шаги были более запутанными, медленными и шаткими, чем последующее движение... В основе этого движения, вне всякого сомнения, лежат... общие законы феодальной формации...» (АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 343. Л. 5–6). Орфография архивных документов везде сохранена без изменений.

³⁰ *Колесницкий Н. Ф.* К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 633, 636.

³¹ *Данилова Г. М.* Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). Петрозаводск, 1974. С. 175–178. В книге встречаются упрощения и поверхностные, слабо подтвержденные источниковой базой выводы.

³² *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). М., 1984. С. 201–202 (о понятии «Zwischenstrukturen» между рабовладением и феодализмом IV–VI вв. в историографии ГДР).

³³ Письмо С. М. Стама А. И. Неусыхину от 05.09.1956 г.: «Дорогой Александр Иосифович!.. Выход книги [«Возникновение зависимого крестьянства...»] несомненно является большим событием в нашей медиэвистике...» (АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 344. Л. 1–2).

³⁴ Из переписки Ю. Л. Бессмертного с учениками в конце 70-х — начале 80-х годов / Публ. и вступ. ст. В. А. Блонина, П. Ш. Габдрахманова // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 218–231. В одном из писем, датированном 14.07.1978 г., Юрий Львович Бессмертный следующим образом отвел критику, высказанную П. Ш. Габдрахмановым в адрес А. И. Неусыхина: «Помните, что Неусыхин — неповторимая величина в нашей науке, а его известная Вам книга — лишь «видимая часть айсберга» его знаний». Также см.: *Бессмертный Ю. Л.* Некоторые черты А. И. Неусыхина как исследователя // Неусыхин. Проблемы европейского феодализма. С. 20–32.

гие ученые. Неожиданную поддержку идеи неопределенности конечного пункта эволюции служилой знати получили на XIII Международном конгрессе исторических наук³⁵. Академик РАЕН Г. С. Померанц в одном из выступлений подчеркивал, что концепт «дофеодального общества» включает в себя *философское* обоснование прогрессивного или стагнирующего вариантов развития «варварского общества», которое может быть выражено следующим тезисом А. И. Неусыхина: «Идти к чему-то еще не значит быть этим»³⁶. С 1980-х гг. историки науки все чаще обращают внимание на философскую составляющую в трудах Неусыхина³⁷.

В Архиве РАН хранится толстая папка, представляющая собой подборку рецензий на исследования ученого³⁸. В ней содержится около десятка рецензий немецких, французских, американских и польских исследователей, даже перевод на японский язык одной из статей Неусыхина³⁹. Наибольшее число откликов при его жизни собрала монография «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.». Среди авторов рецензий на русское издание можно упомянуть Я. Кудрну⁴⁰, Б. Ру-

³⁵ «Королевские пожалования земель (бокленд — в Англии) и доходов с определенной территории (вейцла — в Норвегии), иммунитетов (сока — в Англии, оттоновские привилегии — в Германии) в пользу церкви и служилой знати и здесь [наряду с Франкским государством] не могут рассматриваться как главный источник феодализации» (Удальцова, Гутнова. Генезис феодализма в Европе. С. 19).

³⁶ Г. С. Померанц: «Нельзя характеризовать общество, исходя из того, что из него впоследствии получится» (СВ. 1968. Вып. 31. С. 66–67).

³⁷ См., например, материалы сессии Научного совета по общим закономерностям и особенностям исторического процесса, состоявшейся в 1988 г. (История и историки. М., 1990. Особенно с. 304–317).

³⁸ Отзывы советских и зарубежных ученых о работах А. И. Неусыхина (АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 146 (140 л.)); рецензии зарубежных ученых на немецкое издание [монографии] «Возникновение зависимого крестьянства» (Там же. Д. 151 (21 л.)); отзыв А. И. Данилова на монографию А. И. Неусыхина «Судьб[ы] свободного крестьянства в Германии X–XII вв.» (Там же. Д. 152). Автору удалось обнаружить еще несколько положительных упоминаний о трудах А. И. Неусыхина: *Springer M. Norwegen als Beispiel: Zur Vorgeschichte des Feudalismus* (nach: A. Ja. Gurevič. *Norvežskoe obščestvo v rannee srednevekov'e*. Verlag "Nauka". Moskau, 1977) // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1979. № 4. S. 215–224; *Grinin*. Op. cit. P. 97–98, 116. Впрочем, встретился и критический отзыв: *Goldberg E. Popular Revolt, Dynastic Politics, and Aristocratic Factionalism in the Early Middle Ages: The Saxon Stellinga Reconsidered* // *Speculum*. July 1995. Vol. 70. №. 3. P. 469. Notes 7, 10. В последней из названных статей речь идет о недопустимости трактовки восстания Стеллинга как простого проявления классовой борьбы. Показателем тот момент, что автор цитирует в ряду советских исследователей только Б. Ф. Поршнева и А. И. Неусыхина. Критический разбор воззрений Неусыхина на рабство и литство проводит К. Модзелевский (см.: *Modzelevski K. Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004. S. 178, 186).

³⁹ АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 146. Л. 125–140 об. (перевод статьи А. И. Неусыхина «Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода». Автор — Хаяси Мотон). Более полный список рецензий на труды А. И. Неусыхина по состоянию на 1974 г.: *Неусыхин*. Проблемы европейского феодализма. С. 525–528.

⁴⁰ *Pravnik*. Theoreticky casopis pro otázky statu a prava. 1957. XCVI. № 9. S. 842–846.

бина⁴¹, К. Тыменецкого⁴², Х. Нойберта⁴³, К. Модзелевского⁴⁴, на немецкое издание — Ф. Лютге⁴⁵, Р. Лудлова⁴⁶, К. Ф. Вернера⁴⁷, Г. Лабуду⁴⁸, Ф. Доллингера⁴⁹. Чуть менее активным был отклик на работу «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв.»: среди доступных нам для ознакомления упомянем рецензии Х. Нойберта⁵⁰, С. Подвиньской⁵¹, И. Бобы⁵². Из общего ряда выбивается обстоятельная статья Э. Патлажан, посвященная посмертному изданию диссертации и избранных статей Неусыхина⁵³. Большинство зарубежных историков подчеркнуто уважительно отзывались о его эрудиции. Особенно подчеркивалось безупречное владение техникой анализа правовых источников. Правда, встречались и довольно серьезные замечания, в частности касавшиеся невозможности ознакомления со всем кругом работ зарубежных исследователей⁵⁴.

Помимо положительных отзывов, концептуальные построения Александра Иосифовича отмечены большим количеством критических замечаний. Было немало ученых, отвергавших саму идею «дофеодального» периода как не соответствующую марксистской исторической науке (например, О. Л. Вайнштейн). Но

⁴¹ Rubin B. Die «Grosse Völkerwanderung» in der sozialökonomischen Sicht der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 5. 1957. H. 1/2. S. 231–232.

⁴² Kwartalnik Historyczny. Rocznik 1957. S. 111–116. Автор ставит советского исследователя на одну ступень с такими признанными на Западе учеными, как М. М. Ковалевский и П. Г. Виноградов (S. 111).

⁴³ Neusychin A. I. Vozniknovenie zavisimogo krestjanstva kak klassa rannefeodal'nogo obščestva v zapadnoj Evrope 6–8 vekov. Moskva, 1956, 420 S. *Mil'skaja. L. T. Svetskaja votcina v Germanii 8–9 vekov i ejo rol v zakrepoščenii krestjanstva.* Moskva, 1957, 212 S. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1958. Jg. VI. H. 5. S. 1165–1174.

⁴⁴ Przegląd Historyczny. 1959. N. 1. S. 364–370. Эту высокопрофессиональную рецензию Модзелевский написал еще до того момента, как закончил курс обучения в Варшавском университете (Intervista a Karol Modzelewski. A cura di P. Guglielmotti e G.M. Varanini // Reti Medievali Rivista. 2010/1. Gennaio — giugno. XI. P. 9).

⁴⁵ Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. Okt. 1962. Jg. 10. H. 2. Frankfurt a/M. S. 243.

⁴⁶ Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1962. Teil II. Berlin, 1962. S. 249–253.

⁴⁷ Werner K. F. Literaturbericht über französische Geschichte des Mittelalters (Nachtrag) // Historische Zeitschrift. Sonderheft N 1. Literaturberichte über Neuerscheinungen zur ausserdeutschen Geschichte. München, 1962. S. 612. Примечательно, что рецензент выделяет книгу А. И. Неусыхина из массы исследований, «покоящихся на исторических представлениях немецких «профессоров» XIX в., Маркса и Энгельса, от которых они не могут ни в чем отступить».

⁴⁸ Roczniki historyczne. Rocznik XXIX za rok 1963. Poznań, 1963. S. 271–273. Здесь же содержится рецензия на монографию Я. Кудрны (Studie k barbarským zákoníkům: Lex Baiuvariorum a Lex Alamanozum a ročátkům feudálních vztahů v jižním Německu. Praha, 1959), в которой многие положения трактуются «только как дополнения, иногда весьма ценные, выводов советского автора».

⁴⁹ Dollinger Ph., Folz R. Histoire d'Allemagne au Moyen Âge (Suite et fin) // Revue Historique. 1964. T. 232. Fasc. 2. P. 231–232.

⁵⁰ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1965. Jg. 13. H. 3. S. 548.

⁵¹ Kwartalnik historii kultury materialnej. Rok XIV. 1966. № 1. S. 116.

⁵² American historical review. 1969. Vol. 74. № 1. P. 130–131.

⁵³ Neusychin A. I. Problemy europejskiego feudalizmu. Izbranne trudy (Problèmes du féodalisme européen. Oeuvres choisies). Moskva: Nauka, 1974. P. 538 // Studi medievali. Spoleto. Giungo 1975. Fasc. I. P. 207–214.

⁵⁴ Rubin B. Op. cit. S. 232.

были и те, которые не отрицали концепцию в целом, а строили свою критику на основе ревизии отдельных ее элементов. В основном они касаются хронологической и терминологической составляющей его научных построений.

Немало критических отзывов статья А. И. Неусыхина собрала из-за казавшегося поначалу неудачным, «описательным» названия переходного периода, детерминировавшего появление сразу после него феодализма, и отсутствия его нижней хронологической границы. Эти претензии справедливы лишь отчасти. Наряду с термином «дофеодальный период» Неусыхин использовал множество других: «варварское общество», «переходная эпоха»⁵⁵ и др. Кроме того, в отдельных случаях характеристика «дофеодальный» была единственно возможной при описании качественного своеобразия данного социума. Например, мы не можем заменить выражение «дофеодальные способы эксплуатации» на «переходные способы», поскольку в первобытности эксплуатации не существовало. Сам Неусыхин неоднократно отмечает «условность термина “дофеодальный период”»⁵⁶.

Многие также указывают на хронологическую размытость этого периода. Однако для варваров, история которых подробно описана в нарративных произведениях эпохи Империи (мы не берем в расчет Скандинавию, где данный тип источников не дает достаточных сведений для реконструкции синхронных с континентальной Европой общественных процессов), нижняя граница переходного периода во многом совпадает со временем складывания прочных, крупных союзов племен, в рамках которых преодолевается господство кровнородственных отношений. Тогда же, согласно А. Я. Гуревичу, начинается восприятие римской культуры и переход части варваров на римскую службу, что отрывает их от привычной социальной среды⁵⁷. Тем самым особенно отмечается качественное отличие нового этапа развития германских племен, поначалу на периферии римской жизни, а затем — в самом сердце Империи⁵⁸. М. Н. Соколова считала возможным на английском материале определить верхнюю и нижнюю границы данного периода (при этом почему-то отказываясь выделять его в качестве самостоятельной «исторической единицы») — англо-саксонское и нормандское завоевания⁵⁹.

⁵⁵ Напр.: *Неусыхин*. Судьбы свободного крестьянства... С. 24–25; *Он же*. Возникновение зависимого крестьянства... С. 9, 15.

⁵⁶ Один из примеров см.: Там же. С. 23.

⁵⁷ См. подробнее: *Гуревич А. Я.* Аграрный строй варваров // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма*. М., 1985. Т. I. С. 90–137.

⁵⁸ За последние 20 лет большой вклад в изучение роли римских военных и гражданских институтов в процессе трансформации варварских общественных устоев (в частности, в области кодификации *Lex Salica*) внес французский исследователь Жан-Пьер Поли (см.: *Poly J.-P.* La corde au cou. Les Francs, la France et la Loi salique // *Gènèse de l'État moderne en Méditerranée. Approches historiques et anthropologiques des pratiques et des représentations. Actes des tables rondes internationales tenues à Paris (24–26 septembre 1987 et 18–19 mars 1988)*. R., 1993. P. 287–320; *Idem*. Terra salica. De la société franque à la société féodale, continuité et discontinuité // *Hommage à Claudio Sánchez Albornoz / Joseph Pérez et Santiago Aguadé Nieto*, ed. Madrid, 2000. P. 183–196; а также: *Haubrichs W.* Namenbrauch und Mythos — Konstruktion. Die Onomastik der Lex — Salica — Prologe // *Nomen et Fraternitas. Festschrift zum 65. Geburtstag von Dieter Geuenich / Uwe Ludwig und Thomas Schilp*, hrsg. Berlin, 2008. S. 53–80).

⁵⁹ АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 343. Л. 5 об.

Кроме того, рецензенты Неусыхина (в особенности М. Я. Сюзюмов) нередко подчеркивали тот факт, что переход к классовой формации мог происходить только от другой формации, которая предшествовала ей. Однако, вопреки своим высказываниям о том, что переход был возможен только от первобытности к классовой формации, а переход от одной формации к другой имел бы иные специфические черты, А. И. Неусыхин с успехом применял концепцию переходного периода для описания социально-экономических процессов, происходивших в Северной Италии VI–IX вв. Но и в академическом издании «Истории Италии» он уделял повышенное внимание прежде всего эволюции «варварского общества» остготов и лангобардов, а не античных политических институтов (впрочем, не отрицая их особой роли)⁶⁰.

Мы можем констатировать тот факт, что Неусыхин создал законченную концепцию развития германских племен поздней Античности и раннего Средневековья, учел различные варианты синтеза элементов социально-экономического и политического устройства двух эпох и возможность бессинтезного развития, а значит, подготовил почву для конкретно-исторических изысканий своих учеников и сторонников.

А. Я. Гуревич в своих трудах не раз обращался к идеям Неусыхина. Это касается и ранних, и более поздних его работ (исключением в этом ряду являются только статьи к не вышедшей в печати монографии по донормандской Англии, где «дофеодальному периоду» места не нашлось вовсе). Идеи переходности эпохи Великого переселения народов, наличия цезуры в процессе перехода от одного общественного уклада к другому⁶¹, многомерности путей социального развития в различные исторические периоды⁶² органично включены им в контекст собственных скандинавистских штудий. По сути, Гуревич обратился к *теоретическому* осмыслению переходности социально-экономического строя раннего Средневековья почти одновременно с А. И. Неусыхиным — в конце 1960-х — начале 1970-х гг.

При всем сходстве концепций (отказ от классового подхода к членению «дофеодального общества» или телеологического подхода к складыванию феодализма⁶³; подробное описание трансформации системы «права-обязанности общинника»⁶⁴; признание «дофеодальных» форм эксплуатации в качестве промежуточного звена между теми формами присвоения продуктов, которые на-

⁶⁰ «Эдикт, изданный Ротари совместно с собранием знати <...> с одной стороны, фиксирует архаические обычаи этого племени, сложившиеся еще задолго до вторжения в Италию, а с другой стороны, содержит ряд установлений, явившихся следствием завоевания Италии и возникновения Лангобардского государства. В целом он отражает известную стадию перехода от родоплеменного строя к раннефеодальному» (Неусыхин А. И. От античности к Средневековью // История Италии. Т. 1. М., 1970. С. 50–52, 54, 59, 61, 70).

⁶¹ А. Я. Гуревич с конца 60-х гг. особое внимание уделял бессинтезному варианту перехода (см.: Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 6).

⁶² См.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 151.

⁶³ Там же. С. 177 (на примере различных прав, обязанностей и наказаний свободных держателей по *Capitulare de villis*); Гуревич. Свободное крестьянство ... С. 18–19.

⁶⁴ Гуревич. Проблемы генезиса феодализма... С. 22–23; Подробнее см. главу III (особ. с. 150–151, 156–157).

личествовали в двух «смежных» с ними формациях⁶⁵, и внимательный анализ пережитков родовых связей в раннефеодальном социуме⁶⁶), в исследовательских парадигмах двух выдающихся ученых имелись большие различия. Поэтому большинство историографов говорит о том, что Гуревич не заимствовал идею переходного периода у Неусыхина, а создал собственную теоретическую модель, отражающую специфику социально-политических, экономических и культурных институтов Скандинавии⁶⁷.

Во-первых, Гуревич не связывал напрямую изменения в отношениях собственности и свободы. Во-вторых, он писал о том, что «варварское общество» необязательно бывает дофеодальным, оно может быть и тупиковым (в случае некоторых восточных или африканских социумов), и дорабовладельческим⁶⁸. Большинство таких обществ на Востоке сохранили свой архаичный характер в силу отсутствия каких-либо внешних воздействий уже феодализованных государств⁶⁹. Однако Гуревич не отвечает на главный вопрос: если для развития раннефеодальных отношений в Саксонии, Фрисландии, Баварии, Тюрингии катализатором стало франкское завоевание, то что явилось побудительным мотивом в отношении стран Скандинавии?⁷⁰

В-третьих, Гуревич гораздо большее внимание уделял проблемам индивидуальности в раннее Средневековье, анализируя категории и термины правовых и нарративных памятников того периода, который называют «темными веками». В частности, он писал о том, что многие символические процедуры, функционировавшие в правовом поле германских племен (соприсяжничество, наследование и пр.), демонстрируют нам «особенности сознания варварского [но не феодального] общества»⁷¹. Еще одна интереснейшая находка автора — обнаружение в сагах, особенно в «Песне о Риге», следов «мифологической социологии дофеодального общества»⁷². В упомянутом произведении представлено «сотворение»

⁶⁵ Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства... С. 6; Гуревич. Цит. соч. С. 22;

⁶⁶ Гуревич. Норвежское общество в раннее Средневековье. С. 226–227, 233 (также см. о праве возврата родовой земли при ее продаже «на сторону» или сохранении прав арендатора на его участок, заложенный церкви).

⁶⁷ Сергеева. Концепция «дофеодального периода»... С. 237. Сам А. Я. Гуревич неоднократно подчеркивает эту «индивидуальность» норвежского и скандинавского феодализма (см., например: Гуревич. Свободное крестьянство... С. 26–27).

⁶⁸ Там же. С. 151. На наш взгляд, дефиниция «дорабовладельческий» едва ли применима по отношению к «дофеодальному обществу», как его понимал А. И. Неусыхин.

⁶⁹ «Для подавляющего большинства германских племен таким разрушительным воздействием являлось переселение в пределы Римской империи; численное превосходство местных жителей над новопоселенцами заставляло их отказываться от германских порядков или перестраивать самую их суть» (выделено мной. — М. З.) (Там же. С. 152); Гуревич. Свободное крестьянство... С. 156.

⁷⁰ По его мнению, походы викингов и привозимая ими добыча не являлись тем внешним толчком, который был необходим для изживания «варварского общества», следствием чего стало сохранение многих архаических порядков в местном обычном праве Норвегии: Там же. С. 23; Гуревич. Норвежское общество... С. 170. Эти элементы понимаются А. Я. Гуревичем как органическая часть «варварского общества», перешедшая в более позднюю эпоху.

⁷¹ Гуревич. Проблемы генезиса феодализма... С. 389, 391, 398, 405: «Не знание истины, а верность ближнему — вот что заставляло соприсяжников давать показания и клятвы».

⁷² Там же. С. 414. Эта идея нашла позитивный отклик в немецкой историографии: *Sprin-*

родовой знати Одним в отрыве от свободных и рабов⁷³. Да и сама ментальность (если эта дефиниция применима в отношении раннего Средневековья) эпохи перехода по линии «варварское общество — раннефеодальное общество» отображена в статьях Арона Яковлевича Гуревича более подробно, чем в трудах А. И. Неусыхина⁷⁴. Особая роль ритуала и его значение, защищенность человека в малой группе, оценка его врожденных и приобретенных качеств — все эти феномены в высшей степени были характерны для «варварского общества»⁷⁵.

И все же отправной точкой для перехода Норвегии от «дофеодального периода»⁷⁶ к классовому обществу были не отказ от «дофеодальных» форм эксплуатации (даней, поборов) и не просто накопление земельной собственности в руках знатной верхушки. Данный переход подразумевал прежде всего замену системы родовых связей отношениями личного характера, появление выраженных статусов господства и подчинения, «изменение положения крестьянства, когда оно становится объектом эксплуатации со стороны господствующего класса»⁷⁷. Именно такое понимание сущности «дофеодального периода» было представлено А. Я. Гуревичем на научной сессии 1966 г.

В середине 1980—2000-х гг. исследования в области сравнительной истории убедили Гуревича в необходимости новой интерпретации социальных изменений, произошедших в Западной Европе раннего Средневековья. Под сомнение была поставлена сама концепция «дофеодального периода»⁷⁸. В частности, Арон Яковлевич весьма обстоятельно сравнивал исторические источники континентальной Европы, Англии и скандинавских стран, относящиеся к тысячелетнему периоду мировой истории. «Семейные саги», получившие распространение в Исландии, дали ему основание говорить о протекании процесса имущественной дифференциации в среде обитателей хуторов не за счет создания слоя зависимого крестьянства, а в первую очередь благодаря изменению ментальных

gen. Norwegen als Beispiel (Rez.) ... S. 222–223. Там же Матиас Шпринген выражает мнение, что идеи А. Я. Гуревича являются прямым продолжением исследовательских наработок его наставника.

⁷³ Данная идея была развита А. Я. Гуревичем в его известной статье «Аграрный строй варваров» (см.: История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985, особ. С. 106–107), содержание которой было значительно шире заявленной в заглавии темы.

⁷⁴ *Гуревич*. Индивид и общество ... С. 397–398, 400.

⁷⁵ Безусловно, автор не пытался доказать, что при феодализме они перестают играть роль. В архаическом виде многие из них сохраняются в рамках системы «господин — вассал (крестьянин)», однако *в измененном внешнем облике*, о чем Гуревич писал в 1970 г. (см.: Проблемы генезиса феодализма. С. 166, 188 и след.) Приводимые им примеры, касающиеся ленной зависимости (например, право приобретения участка, обретения некоторых черт «родовой» связи вассала и сеньора и пр.), очень убедительны. См. также последнюю монографию ученого: *Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005, особ. С. 20 и след. (теоретические подходы, историография), 49–52 (связь индивидуализма и формы поселения древних германцев), 70–75 (роль ритуала в эпосе).

⁷⁶ *Он же*. Норвежское общество... С. 153–155.

⁷⁷ *Он же*. Свободное крестьянство... С. 20–21, 27.

⁷⁸ Ученый, однако, не делал попыток ее развернутой критики, ограничиваясь критикой дефиниции «общинная собственность». *Гуревич*. Аграрный строй варваров...; *Он же*. Феодализм перед судом историков, или О средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. 2006. М., 2006. С. 27–29.

и психологических установок, а также системы ценностей *всех членов социума*. Для периода раннего Средневековья, как полагает Гуревич, характерно сохранение широкого слоя мелких землевладельцев, и это демонстрируют грамоты из монастырских архивов, во многих случаях перечисляющие большое количество соприсяжников — свидетелей заключения сделки (а ими конечно же не могли быть зависимые люди)⁷⁹. А. Я. Гуревич смог наглядно показать, что для обычного права всегда были очень существенными различия между декларируемыми нормами, их фиксацией и выполнением: значительная часть простых общинников (лат. *liberi homines*, др.-норв. *bondi*) не только не разорялась, но и приумножала свои богатства благодаря использованию труда рабов и наемных работников⁸⁰; *homagium* часто использовался в качестве ритуала примирения враждующих семей⁸¹, а «кормление» (норв. *veizla*) в Скандинавии, Англии, на континенте вовсе не означало личного подчинения сеньору. Часто дарообмен происходил добровольно, в силу конкретных причин — календарных праздников, исполнения семейно-родовых обрядов. В присутствии свидетелей на пирах акт дарообмена придавал отношениям двух людей в первую очередь не экономическую, а эмоциональную окраску⁸². Ключевой вывод исследований Арона Яковлевича Гуревича 2000-х гг. может быть передан следующими словами: «Я хотел подчеркнуть необходимость изучения того крестьянского мира, который, будучи материальной основой всех феодальных феноменов, отнюдь не поглощался ими»⁸³.

Пожалуй, наиболее полное выражение превалирующей роли Античности в процессе протекания «дофеодального периода» в рамках отечественной историографии можно найти в трудах византиниста М. Я. Сюзюмова. Его концепция своеобразна, целиком построена на источниках (за что он в свое время, подобно А. И. Неусыхину, был обвинен в антимарксизме⁸⁴) — и вместе с тем в литературе, посвященной историографии переходных эпох, его взгляды практически не рассматриваются⁸⁵.

Своими корнями воззрения Сюзюмова уходят в 1940–1950-е гг.: именно тогда произошла знаменитая «двухраундовая» дискуссия о роли античных и герман-

⁷⁹ Гуревич. Феодализм перед судом историков... С. 16–21.

⁸⁰ Там же. С. 42–43.

⁸¹ Там же. С. 24.

⁸² Там же. С. 23.

⁸³ Там же. С. 45.

⁸⁴ Гонения на М. Я. Сюзюмова начались позже, чем кампания по дискредитации А. И. Неусыхина, — после его выступления на уже не раз упоминавшейся научной сессии 1966 г. (см.: СВ. 1968. Вып. 31. С. 77–118). Однако исходный пункт для критики — приверженность «распространившейся в буржуазной литературе идее континуитета и некритическому подходу к социологическому определению города М. Вебера» (С. М. Стам, О. Л. Вайнштейн, М. Д. Лордкипанидзе), остается неизменным (см.: Там же. С. 94, 98, 104, 109–110).

⁸⁵ Достаточно большое число писем А. И. Неусыхина, представленных в Архиве РАН (АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 348), позволяет с определенной долей уверенности говорить об активном использовании М. Я. Сюзюмовым идеи переходности по отношению к раннему Средневековью в лекционном курсе и подробном анализе трудов А. И. Неусыхина на семинарах. Например: «Дорогой Александр Иосифович! Давно Вам не писал, Очень Вам благодарен за Ваши отписки — Ваши работы стали достояниями студентов — пишут по ним курсовые и говорят, что Ваши статьи и особенно Ваша книга — очень трудна!» (письмо от 22.04.1960 г. Л. 21).

ских элементов в процессе феодализации, вначале при защите его кандидатской диссертации по проблемам иконоборчества в 1943 г.⁸⁶, а позднее — на страницах «Вестника древней истории» 1953–1955 гг. Во второй дискуссии идею преобладания античных элементов в ходе генезиса феодализма разделяли Г. Г. Дилигенский, А. Г. Гемп, Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц, а А. П. Каждан и С. И. Ковалев указывали на отсутствие зачатков феодальных отношений в рамках поздне рабовладельческого уклада⁸⁷. Изначально Сюзюмов склонялся к точке зрения Каждана и Ковалева. Он писал о «реакционности» магнатов поздней Империи и развитии феодальных отношений только под давлением варваров⁸⁸. В последующих исследованиях тональность высказываний основателя школы свердловской медиэвистики резко изменилась: к концу 1960-х гг. Сюзюмов стал последовательным сторонником античного континуитета в развитии городской культуры⁸⁹, правовых норм и социально-экономических институтов и отношений.

Необычная позиция М. Я. Сюзюмова до момента его смерти в 1982 г. находилась в явной изоляции, а в конце 1960-х — 1970-е гг. ученому пришлось стойко пережить период гонений за «буржуазные взгляды, высказываемые на лекциях»⁹⁰.

Главным отличием теоретических построений Михаила Яковлевича от концепции «дофеодального периода» А. И. Неусыхина, которое отстаивал основатель школы уральской византистики, было фактическое отсутствие синтеза в рамках романо-германского мира, следовательно, сведение к нулю роли «варварского общества» в процессе феодализации⁹¹. Порой при попытке справедли-

⁸⁶ Сам он писал об этом: «В 1943 [г.] я защитил кандидатскую диссертацию в *отчаянном споре с Неусыхиным о дофеодальном периоде*» (цит. по: *Сюзюмов М. Я.* Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 9).

⁸⁷ За творческую разработку вопросов экономики рабовладельческого строя (открытие дискуссии) // ВДИ. 1953. № 1. С. 14–21; *Штаерман Е. М.* Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1953. № 2. С. 51–79; *Каждан А. П.* О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи // ВДИ. 1953. № 3. С. 77–106; *Корсунский А. Р.* О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV–V вв. // ВДИ. 1954. № 2. С. 47–70; *Ковалев С. И.* К вопросу о характере социального переворота III–V вв. в Западной Римской империи // ВДИ. 1954. № 3. С. 39–44; *Сюзюмов М. Я.* К вопросу о процессах феодализации в Римской империи (в дискуссионном порядке) // ВДИ. 1955. № 1. С. 51–67; *Удальцова З. В.* Сельское зависимое население Италии VI в. // ВДИ. 1955. № 3. С. 85–117; *Липшиц Е. Э.* Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии // ВДИ. 1955. № 4. С. 63–71; К проблемам падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1956. № 1. С. 3–13.

⁸⁸ ВДИ. 1955. № 1. С. 55, 62.

⁸⁹ См.: *Сюзюмов М. Я.* Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе // СВ. 1968. Вып. 31. С. 77–88.

⁹⁰ «После выступления против господствующей школы самобытного перепрыгивания в феодализм от родоплеменного общества против меня начинает действовать аракатеевский режим» (Византийские этюды... С. 15).

⁹¹ «Германцы принесли феодализм в Западную Европу». Но как это соединить с элементарным знанием римского права в поздней Римской империи? Ведь всем известно, что в начале IV в. классическое римское право значительно изменилось. В отношении способа производства оно стало отходить от рабства и начало как в деревне, так и в городе вводить элементы феодализации и прикреплять наследственно крестьян — колонов к земле, ремесленников — к корпорациям. После германских завоеваний на территории бывшей Римской империи роль

вого отрицания некоторых догм «ленинской пятичленки» М. Я. Сюзюмов заходил очень далеко и выплескивал вместе с водой ребенка. Приведем несколько цитат из статей, которые вышли в 70-е гг., уже в период гонений на него:

«Демократия родо-племенной общины влекла за собой всеобщую неграмотность, межплеменную раздробленность и войны, господство вождей и жрецов, тормозила научный прогресс».

«Каково же было *самосознание* германцев первых веков нашей эры, во время Тацита, Плиния? Можно ли их отнести к стадии греков времени Троянской войны? В основном аналогия приемлема»⁹².

«Для того чтобы перейти к подлинно феодальному способу производства, пришлось отказаться временно от тех элементов феодализации, которые уже существовали в Римской империи...»⁹³.

«В “Салической правде” ярко рисуется образ франка, становившегося крестьянином: это драчун, насильник, буян <...> Кто такой по “Салической правде” франкский крестьянин? Это или сам грабитель, награбивший в нашествиях, или наследник его... Процесс феодализации требовал появления скромного, бедного, трудолюбивого крестьянина»⁹⁴.

Оставив в стороне обсуждение этических и философских категорий, которыми М. Я. Сюзюмов не всегда корректно описывал состояние германцев в эпоху перехода, отметим, что ему удалось внести свой вклад в интерпретацию дефиниции «дофеодальный период». Он четко отделил ее от «варварского общества», которое в его понимании получает негативную окраску (синоним слов «варварство», «варваризация», «вандализм», «упадок культуры» и т. п.). Германские племена, перемешавшиеся по территории Империи во II в. до н. э. — VI в. н. э., никоим образом не несли в своем общественном устройстве и, надо полагать, мировоззрении (сравним взгляды А. Я. Гуревича на ментальность скандинавов XI–XIII вв.), элементы «дофеодального общества» и какой бы то ни было переходности к феодализму. Наоборот, при попытке объяснить процессы феодализации в Западной Европе и Византии Михаил Яковлевич постоянно наткнулся на сведения источников, интерпретируемые им как «элементы феодализации в позднем римском праве IV в.»⁹⁵.

Большой резонанс в зарубежной и отечественной науке вызвали идеи редактора «New Left Review» и автора огромного количества аналитических обзоров и статей Перри Андерсона. Его интересы во многом были сформированы, как он сам признается, под влиянием советской оккупации Будапешта в 1956 г. и

элементов феодальной формации начала спадать...» (Сюзюмов М. Я. О «самостоятельном пути» становления феодализма у германцев // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1983. Вып. 20. С. 18, 21). Ср.: СВ. 1968. Вып. 31. С. 20–22 (дискуссия с А. Д. Люблинской).

⁹² Сюзюмов. О «самостоятельном пути»... С. 20–21.

⁹³ Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 11.

⁹⁴ Там же. С. 23.

⁹⁵ При этом нужно заметить, что М. Я. Сюзюмов категорически возражал против употребления термина «раннефеодальный период» в отношении эпохи Великого переселения народов и в споре с А. И. Неусыхиним оперировал исключительно термином «дофеодальный период» (см.: Письмо А. И. Неусыхину от 02.05.1960 г. // АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 348. Л. 25).

«красного мая» 1968 г., а потому он неизбежно тяготел к пристальному изучению марксистской исторической мысли. В предисловии к английскому изданию «Переходов от Античности к Средневековью» (1974) Андерсон подчеркивал, что для него принципиальным моментом является исследование процессов перехода от Античности к феодализму и от феодализма к капитализму (последние были отражены в монографии «Родословная абсолютистского государства») при помощи единого материалистического инструментария⁹⁶, который «редко применяется по отношению к древности». Можно смело сказать, что он создал собственную концепцию переходного периода, не опирающуюся непосредственно на идеи А. И. Неусыхина. Очевидно, независимость его взглядов от выступлений и дискуссий на научной сессии 1966 г. объясняет тот факт, что в законченном виде концепция П. Андерсона была изложена уже после смерти А. И. Неусыхина, в первой половине 1970-х гг.

Большая часть тех явлений, которые позволяют трактовать состояние германского мира как «первобытнообщинный способ производства» (*primitive communal mode of production*)⁹⁷, описывается Андерсоном на основе нарративной традиции (Цезарь, Тацит). Он активно оперирует теми социологическими понятиями, которыми были отмечены споры 1950–1960-х гг. о применимости экономического макроанализа к истории минувших эпох («стратификация», «класс», «формация», «система собственности» и пр.). Вторая глава его работы специально названа «Переход» (*The Transition*), чтобы подчеркнуть подвижность, изменчивость анализируемых им структур. Что же нового она дает нам для понимания переходного периода?

Первое, что бросается в глаза, — как ни странно, даже более активная (по сравнению с отечественными авторами того же периода) поддержка Перри Андерсоном идеи германо-римского синтеза: «Ни простое соседство, ни грубое смешение не могли создать нового общего способа производства, способного вывести из тупика рабства и колоната, а вместе с ним и нового цельного общественного строя. Иными словами, этого можно было достичь только в результате подлинного *синтеза*»⁹⁸. Для осуществления такого синтеза требовалось преодолеть многочисленные культурные барьеры (не только языковые, но и религиозные, и правовые, в числе которых был запрет смешанных браков).

В частности, он упоминает об организации «классом собственников» (*optimates, possessing class*) со II в. под влиянием римлян собственных вилл с рабами и дружинами, лично преданными «оптимату». Показаны им и процессы социально-имущественной дифференциации при оседании варваров на земли Империи: те же «оптиматы» сосуществовали со сложной и переплетенной си-

⁹⁶ Anderson P. *Passages from Antiquity to Feudalism*. L., 1974. P. 9 (Foreword).

⁹⁷ Ibid. P. 109.

⁹⁸ Ibid. P. 127. Надо заметить, что автор отлично знает работы советских ученых того периода: З. В. Удальцовой, Б. Ф. Поршнева, Е. В. Гутновой, А. Д. Люблинской, М. Я. Сюзюмова. См., например, его развернутую контраргументацию по вопросам, затронутым Поршневым (Ibid. P. 111, Rem. 6), краткую ремарку автора относительно итогов дискуссии по вопросу романно-германского синтеза на научной сессии 1966 г. (Ibid. P. 129–130, Rem. 6; 154, Rem. 1). Создается устойчивое впечатление, что П. Андерсон читал поздние работы А. И. Неусыхина (или хотя бы рецензии на них).

стемой рабского и зависимого труда, а также многочисленным свободным «крестьянским» населением, обладавшим полными правами на свои аллоды⁹⁹.

Важным фактом можно признать и то, что он не впадает в крайности «романизма», которые и сейчас бывают свойственны зарубежной науке. В частности, этот период не был бы переходным, если бы на одном и том же историческом отрезке не сосуществовали совершенно различные по происхождению и характеру проявления германские и римские институты (дружина/комитат, букцеллярии, рабство, патронат и клиентела), впоследствии, при формировании феодальной структуры общества, перешедшие в новое качество¹⁰⁰. Большую роль в переходе к новому социальному устройству имела и христианизация вторгавшихся племен¹⁰¹, их приобщение к латинскому языку и некоторым правовым институтам. В то же время основным последствием перехода к феодальному устройству П. Андерсон считает именно запись *германского права*, которое поначалу используется наряду с римским и лишь постепенно переходит в новое качество¹⁰².

Вывод автора заключается в том, что «к началу VII века был в основном завершен процесс консолидации единой сельской аристократии, которая больше не была по своему менталитету ни сенаторской, ни дружинной»¹⁰³. Помимо этнического смешения (наблюдавшегося к тому времени в «варварских» государствах повсеместно) имело место частое изменение статуса отдельного индивида в рамках знатной прослойки (от министеряла, «служилого человека», к свободному дружиннику и наоборот)¹⁰⁴. А реформы Каролингов окончательно утвердили феодальный способ производства «под навесом псевдоримских институтов»; *vassi dominici, buccellarii и fideles* («верные» королю и магнатам люди) VIII в. *синтезировали* в рамках вассалитета идею служения и одновременного приобретения бенефиция, а при Карле Великом — еще и приобретения чести (нем. *Ehre*, т. е. должности или иммунитета) вместе с бенефицием и обязанностью оказывать услуги сюзерену. «С каролингским государством и начинается история феодализма в собственном смысле слова»¹⁰⁵, а знать превращается в «землевладельческий класс».

При определенном сходстве концептуальные построения А. И. Неусыхина и его зарубежного коллеги имеют значительные отличия. В частности, последний в гораздо большей степени останавливается на культурной, социально-политической преемственности двух эпох (Античности и раннего Средневеко-

⁹⁹ *Anderson. Passages from Antiquity to Feudalism. P. 130–131.*

¹⁰⁰ *Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2006. С. 126–127.*

¹⁰¹ Именно Римская Церковь, по мысли Андерсона, явилась связующим звеном между Античностью и феодализмом, именно она способствовала «передаче таинственных посланий из прошлого менее развитому будущему» в тот самый «переходный период», когда существование античного наследия было поставлено под угрозу. Там, где Арианская Церковь жестко и неуступно преследовала Римскую, настоящий синтез был невообразим (см.: *Anderson. Passages from Antiquity to Feudalism. P. 118. Rem. 11).*

¹⁰² *Ibid. P. 117.* Лангобарды в VI в. в Италии и вестготы в конце VII в. в Испании полностью отвергают «дуализм администрации и правоприменения».

¹⁰³ *Ibid. P. 115.*

¹⁰⁴ *Ibid. P. 116. Rem. 7.*

¹⁰⁵ Подробнее: *Ibid. Op. cit. P. 139 ff.*

вья), чем это делал Неусыхин. Хотя Андерсон и выдвигает тезис о «катастрофическом характере переходного периода»¹⁰⁶, однако у него связующим звеном между феодальной аристократией Средневековья и племенной знатью германцев выглядят не просто знатные члены племени, а «*clan warriors*», которым в процессе перехода на территорию Римской империи подчинялись путем коммандации многие разорившиеся «крестьяне». Формирующиеся институты феодализма (в частности, бенефиций) были равно далеки как от воспроизведения земельных раздач королем победившего племени, так и от повторения патроната или церковного права, но сочетали в себе обе реальности того времени¹⁰⁷.

На основании вышеизложенного мы можем заключить, что концепция «дофеодального периода» Неусыхина не являлась плодом кабинетных измышлений, как полагали некоторые исследователи, но была научной теорией, обладавшей большим эмпирическим потенциалом в отношении изучения общества и потестарной организации раннего Средневековья. Неслучайно сторонники его взгляда на процесс перехода от первобытного общества или экономики античного типа вкупе с греко-римской политической организацией к новым социальным отношениям обращались к ней при исследовании огромного временного промежутка — от III до XIII в. При этом оценка некоторых авторских интерпретаций как «искажения» или «недопонимания» концепции выглядит не всегда оправданной, ведь в течение жизни сам Неусыхин неоднократно пересматривал свои взгляды на происходившие в недрах «варварского общества» процессы. Оценки сущности перехода к феодальному обществу среди «последователей» отечественного ученого сильно разнятся: от почти полного отрицания роли варваров в процессе возникновения и развития зависимых категорий населения (М. Я. Сюзюмов), через детальное изучение процессов романо-германского синтеза и роли элементов отдельных систем в формировании феодализма (А. Р. Корсунский) вплоть до моделирования особого мировосприятия и мировоззрения северных народов, меняющихся параллельно с изменениями форм поселения и личными отношениями членов общины практически без влияния позднеантичных политико-правовых институтов (А. Я. Гуревич).

Ключевые слова: «дофеодальный» (переходный) период, кампания по борьбе с «безродными космополитами» в 1948–1949 гг., «варварские правды», А. И. Неусыхин, А. Я. Гуревич, М. Я. Сюзюмов, П. Андерсон.

¹⁰⁶ Anderson. Passages from Antiquity to Feudalism. P. 137.

¹⁰⁷ Ibid. P. 130. Попутно упомянем о том, что при анализе «переходного периода» Андерсон очень удачно избегает термина «эксплуатация». Это подтверждает его идею о *генезисе феодализма, в первую очередь в политической сфере* (например: Ibid. P. 151–152).

A. I. NEUSYKHIN AND HIS CONCEPTION OF TRANSITIONAL PERIOD: PERCEPTION AND INTERPRETATIONS

M. ZEMLIAKOV

This article's objective is a comprehension of important concept in Russian medieval history — the conception of 'prefeudal' (transitional) period developed in A. I. Neusykhin's scholarly works. Along with the analysis of the emergence and contents of this conception, author observes the issue of perception and adoption of A. I. Neusykhin's scientific ideas in his disciples' essays, his colleagues' and our contemporaries' researches, both in Russia and abroad.

This scholarly work shows that the conception of transitional period wasn't an idea developed by Neusykhin at first time. Some scientists had used this model in 30th–50th years of XXth century to discover early stages of history of East Slavs (for example, B. D. Grekov). A. I. Neusykhin personally advanced to this conception in his researches very long. His first experience of survey of transition between Antiquity and Middle Ages has been dated from 1922; it was an article about A. Dopsch's ideas.

In our article we not only analyse the essence of Neusykhin's conception, but also give our consideration to those historians which have been developed the idea of transition period concerning Scandinavia and Byzantium (A. Ja. Gurevič, M. J. Sjuzumov). Their theses bear a likeness to conception of A. I. Neusykhin, but we pay special attention to difference between those scholarly works.

This paper first represents a significant number of unknown documents from Neusykhin's private archive.

Keywords: 'Prefeudal' (transitional) period, the Campaign against the 'rootless Cosmopolitans' (Anticosmopolitan campaign), barbarian laws, A. I. Neusykhin, A. Ja. Gurevič, M. J. Sjuzumov, P. Anderson.

Список литературы

1. *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего Средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–88.
2. *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956.
3. *Неусыхин А. И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I: Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 137–176.
4. *Njeussychin A. I.* Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jh. / Deutsche Ausgabe besorgt von Bernhard Töfler. Akad. — Verlag, Berlin, 1961.
5. *Сергеева Т. Д.* Концепция «дофеодального периода» в творчестве А. И. Неусыхина // История и историки. Историографический ежегодник. 1982–1983. М., 1987. С. 225–244.
6. *Modzelevski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.

7. *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее Средневековье. М., 1977.
8. *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
9. *Сюзюмов М. Я.* Византийские этюды. Екатеринбург, 2002.
10. *Anderson P.* Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1974.